

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальное положение следователя в уголовном процессе»

Обучающийся

С.В. Митрюк

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, А.С. Таран

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, современный следователь, который занимается осуществлением предварительного следствия, как формы предварительного расследования в рамках досудебного производства по уголовным делам, обоснованно считается участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения и ответственен за выполнение наиболее трудоемкой и сложной задачи в процессе уголовного судопроизводства.

На практике, следователь обоснованно считается ключевым участником уголовно-процессуальной деятельности от эффективности работы которого зависит возможность достижения назначения уголовного судопроизводства.

С учетом особого значения роли следователя в российском уголовном судопроизводстве, исследование вопросов, связанных с его процессуальной ролью, является, несомненно, актуальным.

Цель исследования: состоит в ознакомлении с научными работами отечественных авторов по выбранной тематике и выяснении основных понятий, проблем и перспектив, связанных с процессуальным положением следователя в российском уголовном судопроизводстве.

Проблемы, связанные с процессуальным положением следователя, поднимаются в работах многих отечественных специалистов. Необходимо отметить работы таких авторов, как: А.В. Бабич, А.Р. Вартанов, Л.А. Власов, А.А. Волчкова, В.Г. Даев, В.В. Колодко, В.М. Корнуков, А.Г. Мамонтов, С.Б. Россинский, С.А. Шейфер и других исследователей.

Структура исследования predetermined целями и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, разделенные на отдельные параграфы, заключение, а также список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Процессуальный статус следователя в историческом и сравнительно-правовом аспектах.....	7
1.1 Становление процессуального статуса следователя в отечественном уголовно-процессуальном праве	7
1.2 Процессуальное положение следователя в зарубежных правовых системах	11
Глава 2 Современный статус следователя в российском уголовном судопроизводстве	16
2.1 Понятие следователя в уголовном процессе. Проблема определения его уголовно-процессуальной функции	16
2.2 Процессуальные полномочия следователя	25
2.3 Проблема процессуальной самостоятельности следователя	33
Глава 3 Взаимодействия следователя с другими участниками уголовного судопроизводства	42
3.1 Взаимодействие следователя с органами дознания.....	42
3.2 Ведомственный контроль и прокурорский надзор за деятельностью следователя	45
3.3 Судебный контроль за деятельностью следователя	55
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Актуальность исследования. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, современный следователь, который занимается осуществлением предварительного следствия, как формы предварительного расследования в рамках досудебного производства по уголовным делам, обоснованно считается участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения и ответственен за выполнение наиболее трудоемкой и сложной задачи в процессе уголовного судопроизводства: собирании доказательственной информации, на основе которой виновное в совершении преступления лицо может быть обоснованно привлечено к уголовной ответственности.

На практике следователь обоснованно считается ключевым участником уголовно-процессуальной деятельности, от эффективности работы которого зависит возможность достижения назначения уголовного судопроизводства.

Действуя в рамках процессуальной самостоятельности, выступающей важным инструментом эффективной следственной работы, следователь руководствуется обширным комплексом нормативных предписаний, которые содержатся в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [59] (УПК РФ).

Реализуя свои полномочия, следователь должен самостоятельно принимать обоснованные процессуальные решения, оценивать достаточность собранных доказательств для выдвижения обвинения и т.д.

С учетом особого значения роли следователя в российском уголовном судопроизводстве, исследование вопросов, связанных с его процессуальной ролью, является, несомненно, актуальным.

В российском уголовном процессе активно обсуждается феномен процессуальной самостоятельности следователя, включая вопросы о её сущности, границах и способах реализации. Это вызвано фактическим отсутствием определения данной категории в действующем законодательстве,

что также предопределяет необходимость научной проработки данного вопроса.

Цель исследования: состоит в ознакомлении с научными работами отечественных авторов по выбранной тематике и выяснении основных понятий, проблем и перспектив, связанных с процессуальным положением следователя в российском уголовном судопроизводстве.

Задачи исследования:

- охарактеризовать становление процессуального статуса следователя в отечественном уголовно-процессуальном праве;
- рассмотреть особенности процессуальное положение следователя в зарубежных правовых системах;
- проанализировать понятие следователя в российском уголовном процессе;
- раскрыть процессуальные полномочия следователя;
- изучить проблемы процессуальной самостоятельности следователя;
- охарактеризовать взаимодействие следователя с органами дознания;
- проанализировать вопросы реализации ведомственного контроля и прокурорского надзора за деятельностью следователя;
- обозначить особенности осуществления судебного контроля за процессуальной деятельностью следователя;
- сделать общие выводы по результатам проведенного исследования.

Объект исследования: правоотношения, возникающие в связи с осуществлением следователем своих процессуальных полномочий в уголовном процессе, а также в процессе надзорного и ведомственного контроля органов власти за его деятельностью.

Предмет исследования: нормы уголовно-процессуального законодательства, посвящённые регулированию деятельности следователя в уголовном процессе Российской Федерации на современном этапе.

Методология исследования работы включает общие положения диалектического метода научного исследования, применяемого в современной научной практике.

В процессе работы также использовались специальные и общенаучные методы познания, такие как синтез, анализ, метод структурного и системного анализа и т.д.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с процессуальным положением следователя, поднимаются в работах многих отечественных специалистов. Необходимо отметить работы таких авторов, как: А.В. Бабич, А.Р. Варганов, Л.А. Власов, А.А. Волчкова, В.Г. Даев, В.В. Колодко, В.М. Корнуков, А.Г. Мамонтов, С.Б. Россинский, С.А. Шейфер и других исследователей.

Структура исследования predetermined целями и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, разделенные на отдельные параграфы, заключение, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Процессуальный статус следователя в историческом и сравнительно-правовом аспектах

1.1 Становление процессуального статуса следователя в отечественном уголовно-процессуальном праве

В современных реалиях совершенствования государственных, политических и нормативных институций, законодателем предпринимаются попытки найти наилучший подход к обеспечению верховенства закона и обеспечения защиты прав и свобод личности, как одной из базовых конституционно-правовых гарантий, обозначенных в ст. 2 Конституции Российской Федерации [19] (Конституция РФ).

Систему правоохранительных госорганов можно считать центральным звеном государственного аппарата, поэтому необходимо, чтобы это звено соответствовало современным потребностям правоприменения. Его самые важные задачи – эффективно противодействовать преступности, являясь гарантом безопасности, а также создавать необходимые гарантии прав и интересов личности, социума и всей страны.

Возникновение следователя, как субъекта производства по уголовным делам в отечественном правовом регулировании, а также формирование специфики его процессуального статуса – явление не единомоментное. В этой связи, целесообразно обозначить основные аспекты исторического контекста возникновения института следователя, неразрывно связанного с историей становления предварительного расследования в целом.

В Древнерусском государстве, применительно к выявлению преступления и поиску виновного, вопрос наделения такими функциями отдельного субъекта не поднимался.

Как указывается в литературе, «процессуальную фигуру следователя (в современном представлении), заменяло само общество, включая

потерпевшего, которому отводилась активная роль в розыске преступника» [52, с. 53].

Постепенно инициативы, связанные с розыском виновных в совершении преступлений, начинают переходить непосредственно к государству, что обуславливается усложнением общественных отношений.

Как отмечается исследователями, «в конце XVI столетия розыск и поимка лиц, совершивших преступления, был отнесён к компетенции полномочных представителей центральных органов власти – так называемых «обыщиков». Данный исторический факт можно считать отправным моментом возникновения в отечественной истории государства и права прообраза института современного следователя, с учётом того, что к числу ключевых задач обыщиков относился розыск преступников при содействии общины» [23, с. 88].

«Обыщики» (с начала XVII века именуемые «сыщики») действовали в пределах определенной территории и находились в непосредственном подчинении центральных органов власти.

Образование самостоятельных специализированных российских следственных органов началось с «майорских» следственных канцелярий, именуемых в специальной литературе также как «канцелярии розыскных дел» [25, с. 120].

Моментом создания в России первого подобного специализированного следственного органа, по мнению Д.О. Серова, можно считать 25 июля 1713 г., когда «в г. Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич подписал указ о создании канцелярии под началом гвардии майора князя Михаила Ивановича Волконского» [51, с. 20].

В начале XIX века продолжилось поступательное развитие законодательных новаций, связанных с осуществлением расследования преступлений и формированием внятного регулирования правового положения специальных субъектов, осуществляющих расследование преступлений.

Как указывается специалистами, «в первой половине XIX столетия, при императоре Александре I, впервые предусматривалось введение в государственный аппарат отдельных должностных лиц, именуемых «следственный пристав», чьё функциональное предназначение было связано исключительно с расследованием дел о преступлениях» [8, с. 10].

Данное нормативное изменение, связанное с возникновением вполне конкретного прообраза современного следователя, следует считать важной вехой в историческом развитии анализируемого уголовно-процессуального института.

Очередные важные правовые и организационные преобразования, связанные с организацией следствия, обозначились в период судебных реформ XIX столетия, реализуемых при императоре Александре II. Именно на данном этапе, как указывается в работах ряда исследователей, «получили своё закрепление основы правового статуса судебного следователя, а также особенности взаимодействия данного должностного лица с прокуратурой, судом и иными участниками уголовного судопроизводства» [27, с. 25].

В дальнейшем, по ходу реализации комплекса судебных реформ, произошло последовательное разделение судебных и административных органов, а также разделение власти судебной и власти обвинительной, что способствовало объективизации процедур, связанных с уголовным преследованием и укреплению независимой роли суда в текущих историко-правовых реалиях.

Переход к советскому периоду российского государства и права предопределил и изменения, связанные с регламентацией правового положения следователя.

Значимые нормативные изменения в организация органов следствия были произведены уже в рамках первого, изданного Советским правительством нормативного акта – Декрета от 24.11.1917 г. №1 «О суде» [14].

Как указывается в литературе, относительно рассматриваемого исторического периода, «институт судебных следователей упразднился, а осуществление расследования контрреволюционных преступлений возлагалось на следственные комиссии при учрежденных революционных трибуналах, а расследование остальных преступлений – на избравшихся территориальными Советами местных судей. Следователи вновь оказались при судах» [27, с. 28].

Летом 1920 г. Третий Всероссийский съезд работников совюстиции решил, что необходимо отказаться от коллегиального подхода к расследованию, заменив его единоличным следствием, а также наделить народных следователей теми же правами, которые имеет следственная комиссия. В соответствии с Положением от 21.10.1920 г. о нарсуде РСФСР [13] следователи получили право на самостоятельное принятие решений о том, возбуждать уголовное дело, или отказывать в его возбуждении, на самостоятельное проведение требуемых следственных мероприятий, избрание меры принуждения, включая арест.

В конце 20-х годов XX столетия следователей передали от судов прокуратуре. Органы следствия СССР и РСФСР развивались по-прежнему в рамках административной и прокурорской моделей, что соответствует характеру политико-правового развития данного периода.

Значительным событием второй половины XX века, относительно регулирования расследования преступлений и регламентации процессуального статуса ключевого субъекта такой деятельности, стало принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27.10.1960 г. [60] (УПК РСФСР 1960 г.).

Данный нормативный акт регулировал осуществление производства по уголовным делам продолжительное время – около сорока лет, и утратил силу уже в условиях новой российской действительности, с принятием нового УПК РФ, которым был ознаменован современный этап регулирования

российского досудебного и судебного производства, а также регулирования процессуального статуса его участников, включая следователя.

1.2 Процессуальное положение следователя в зарубежных правовых системах

В ряде зарубежных стран существуют различия в конкретных формах уголовного процесса и процессуальных категориях, несмотря на их общность.

«Общность типа уголовного процесса в развитых западных государствах не исключает разнообразия его конкретных форм, процессуальных категорий. Различия относятся к пределам компетенции суда, процессуальным гарантиям прав личности, особенностям процесса доказывания, процессуальному положению обвиняемого и обвинителя» [32, с. 22], – пишет в этой связи А.А. Мухитдинов.

Также, как отмечается в литературе, «различаются пределы компетенции суда, процессуальные гарантии прав личности, процедуры доказывания, а также процессуальное положение обвиняемого и обвинителя. В зависимости от определенных категорий различаются виды уголовного процесса: обвинительный, розыскной (инквизиционный), смешанный и состязательный. В некоторых зарубежных странах уголовный процесс основывается на двух формах процесса, которые сложились исторически: состязательный и смешанный» [53, с. 91].

В таких зарубежных государствах, как как Англия, США, Канада, Австрия, Новая Зеландия и некоторые других, используется состязательный формат уголовно-процессуальной деятельности.

Данная форма имеет свойство того, что уголовный процесс, условно, сводится к диспуту между обвинителем и обвиняемым. Состязательный процесс опирается на основные принципы процедурного равенства сторон и распределения задач между сторонами обвинения и защиты, при руководящей

роли суда. Аналогичным образом определяются и основы современного уголовно-процессуального регулирования в Российской Федерации.

В Европе и некоторых других странах мира, правоведы трактуют судебный процесс как спор между равноправными сторонами – обвинителем и обвиняемым, считая, что на государстве лежит ответственность за доказательство виновности обвиняемого без его содействия в этом.

В зарубежных странах, в контексте уголовного судопроизводства, применяются процедуры, которые включают в себя использование наиболее эффективных и решительных мер, которые в определенной степени могут ограничивать права и законные интересы граждан. К примеру, гражданам может быть ограничено право на молчание.

В настоящее время в мировой практике в наибольшей мере распространены две основные правовые системы: романо-германская и англосаксонская.

Главное различие между ними заключается в том, что в первой системе больше внимания уделяется законодательству, в то время как во второй – судебной практике.

Как обоснованно указывается авторами, применительно к странам с англосаксонской правовой системой, «в уголовном процессе данных стран, например, в США, значительное место занимает использование прецедента в качестве источника уголовно-процессуального права. Преимущества прецедентной системы усматриваются в ее гибкости» [48, с. 341].

Что касается структуры и ведомственной принадлежности субъектов, осуществляющих выявление и расследование преступлений в зарубежных правопорядках, то здесь можно констатировать отсутствие какого-то единообразия.

Так, в США ключевую роль в расследовании преступлений имеет Федеральное Бюро Расследований (ФБР), помимо которого, как пишет в своей работе С.Т. Сазин, «в США расследование ведут и множество других федеральных служб, а также независимые друг от друга полицейские

учреждения, которые подчиняются либо властям штата, либо местным властям» [48, с. 342].

Главной отличительной чертой уголовно-процессуальной деятельности в странах с англосаксонской правовой системой, как пишут в отдельных публикациях, «является регламентация досудебного производства по уголовным делам судебными прецедентами, ведомственными нормативными актами и процессуальным законодательством штатов, а также смещение процедур, относимых в российском уголовном процессе как к следственным, так и к оперативно-розыскным» [15, с. 53].

В отличие от США в ряде стран Европы, например, в ФРГ, одним из наиболее значимых следственных органов является прокуратура, ключевой задачей которой выступает осуществление непосредственного уголовного преследования.

Несмотря на различия в правовых системах, наблюдается тенденция к их сближению. В романо-германской системе наблюдается увеличение роли судебной практики в создании норм, тогда как в англосаксонских странах развивается законодательство. В обоих случаях основой являются доказательства и демократический состязательный процесс, в котором ключевую роль в составлении юридических документов исследования уголовного дела играет следователь, представляющий в уголовно-процессуальных отношениях государство, будучи наделенным властными полномочиями.

Как верно подчеркивается в публикациях, «практически во всех демократических государствах, где человек признан главной ценностью, существуют различные правоохранительные органы, суть деятельности которых сводится к одной цели – обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, прежде всего от преступных посягательств, обеспечение правопорядка, соблюдение законодательства не только гражданами, но и организациями и государственными органами» [53, с. 93].

Таким образом, независимо от того факта, что деятельность следственных органов зарубежных стран имеет свою специфику, основанную на особенностях применяемой правовой системы, сложившихся исторических и правовых традиций, региональных особенностей, в основе работы по выявлению и расследованию преступлений лежит обеспечение охраны прав и законных интересов физических и юридических лиц, что соотносится с демократическим характером уголовно-процессуального регулирования, заложенным на уровне международного права.

В заключении первой главы исследования, сформулируем следующие выводы.

Возникновение следователя, как субъекта производства по уголовным делам в отечественном правовом регулировании, а также формирование специфики его процессуального статуса – явление не единомоментное. Возникновения института следователя неразрывно связано с историей становления предварительного расследования в целом.

Прообраз современного института следователя возник в отечественном регулировании в первой половине XVIII века. Уже в XIX столетии продолжилось поступательное развитие законодательных новаций, связанных с осуществлением расследования преступлений и формированием внятного регулирования правового положения специальных субъектов, осуществляющих расследование преступлений.

С переходом к советскому периоду, статус следователя значительно изменился, в связи с формированием советского уголовно-процессуального законодательства. Наиболее значимым документом данного периода следует считать УПК РСФСР 1960 г.

Данный нормативный акт регулировал осуществление производства по уголовным делам продолжительное время – около сорока лет, и утратил силу уже в условиях новой российской действительности, с принятием нового УПК РФ, которым был ознаменован современный этап регулирования

российского досудебного и судебного производства, а также регулирования процессуального статуса его участников, включая следователя

Что касается регулирования института следователя в зарубежных правовых системах, то такое регулирование находится в прямой зависимости от правовой системы.

Несмотря на различия в правовых системах, наблюдается тенденция к их сближению. В романо-германской системе наблюдается увеличение роли судебной практики в создании норм, тогда как в англосаксонских странах развивается законодательство. В обоих случаях основой являются доказательства и демократический состязательный процесс, в котором ключевую роль в составлении юридических документов исследования уголовного дела играет следователь, представляющий в уголовно-процессуальных отношениях государство, будучи наделенным властными полномочиями.

Глава 2 Современный статус следователя в российском уголовном судопроизводстве

2.1 Понятие следователя в уголовном процессе. Проблема определения его уголовно-процессуальной функции

Определение понятия соответствующего участника уголовно-процессуальной деятельности, является базовой основой для правильного понимания его статуса, места и роли в контексте уголовно-процессуальных процедур, применяемых в России, связанных с осуществлением производства по делам о преступлениях.

Такое определение, применительно к анализируемому участнику уголовного судопроизводства, которым выступает следователь, сформулировано в числе основных категорий, используемых в УПК РФ: «следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом» (п. 41 ст. 5 УПК РФ).

Однако, непосредственное внимание регламентации понятия и процессуального статуса следователя, законодатель уделяет в рамках Раздела II «Участники уголовного судопроизводства», главы 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения».

В ст. 38 УПК РФ обозначено следующее: «Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу».

То есть, законодатель раскрывает содержание нормативного понятия «следователь» через функциональное предназначение такового, в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Таковым, исходя из приведённой формулировки, является «осуществление предварительного следствия по уголовным делам».

Это именно то, что обуславливает выделение данного участника уголовного процесса и наделение его властными полномочиями со стороны государства.

При этом, несложно заметить, что в контексте цитируемой специальной уголовно-процессуальной нормы, посвящённой следователю (ст. 38 УПК РФ), законодатель производит регламентацию общей процессуальной роли данного участника, оставляя за её рамками непосредственную ведомственную принадлежность такового.

То есть, уголовно-процессуальный статус следователя – это общая категория, предопределяемая ролью такого участника в уголовном судопроизводстве. Из какой бы правоохранительной структуры не был конкретный следователь, расследующий уголовное дело, ему будет соответствовать тот общий объём процессуальных полномочий, которые законодатель предусматривает для указанной процессуальной роли.

О возможной ведомственной принадлежности следователя в российском уголовном судопроизводстве можно сделать вывод из содержания ст. 151 УПК РФ, в соответствии с которой предварительное следствие осуществляют следователи трёх правоохранительных структур: Следственного комитета Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел Российской Федерации.

Перечень тех правоохранительных структур, в штате которых предусматривались следователи, не был неизменным на протяжении долгих лет действия положений УПК РФ. Наоборот, данный перечень трансформировался. Так, до принятия Федерального закона от 30.06.2003 г. № 86-ФЗ [69], в п. 4 ч. 2 ст. 151 УПК РФ имел место следователь налоговой полиции.

В российской правовой действительности до законодательных новаций 2007 г. устоялось наличие должности следователя в такой исторически сложившейся правоохранительной структуре, как прокуратура Российской Федерации. При этом, была преемственность советского уголовно-

процессуального регулирования в нормах постсоветского уголовно-процессуального законодательства, регулирующего вопросы статуса следователя.

Однако, руководствуясь желанием обеспечения большей независимости следователя и повышения его процессуальной самостоятельности и эффективности, законодатель сначала выделил в структуре органов прокуратуры Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, изменив «следователя прокуратуры» на «следователя Следственного комитета при прокуратуре» [65], а в дальнейшем принял решение о выделении данной структуры из органов прокуратуры в качестве отдельной, независимой и самостоятельной правоохранительной структуры – Следственного комитета Российской Федерации, деятельность которого регламентирована в настоящее время отдельным нормативно-правовым актом: Федеральным законом от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [67].

Использованный в п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ оборот «следователь Следственного комитета при прокуратуре» был изменён на уточнённый оборот «следователь Следственного комитета Российской Федерации» [68].

Также необходимо отметить, что до упразднения Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков Указом Президента РФ от 05.04.2016 г. № 156 [61], и внесения соответствующих изменений в УПК РФ [63], в п. 5 ч. 2 ст. 151 УПК РФ были обозначены «следователи органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

Как верно отмечено отдельными авторами, «независимо от нормативных изменений статуса отдельных правоохранительных структур, процессуальный статус следователя изменениям не подвергался – лишь менялось указание на подследственность отдельных категорий уголовных дел следователям отдельных правоохранительных структур, что сообразно

соответствующим ведомственным изменениям, находило своё параллельное отражение в ст. 151 УПК РФ» [50, с. 8].

Нельзя также не обратить внимание на ещё одно нововведение, связанное с понятийным определением, имеющим отношение к анализируемому участнику уголовного судопроизводства. Речь идёт о введении в п. 40 ст. 5 УПК РФ понятия «следователь-криминалист», что было предпринято с принятием Федерального закона от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ [62].

Данное решение законодателя, что привело к определённой терминологической путанице, было неоднозначно воспринято учёными и практиками.

Так, в ряде публикаций отмечается некорректность используемой законодателем обновлённой терминологии и отсутствие необходимости в подобных нормативных преобразованиях.

М.В. Мешков и В.В. Гончар пишут: «декларируемая в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ возможность участия следователя-криминалиста в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий не может быть признана обоснованной, поскольку уголовно-процессуальный закон не предусматривает ни одного процессуального действия, регламент которого допускал бы участие в нем следователя-криминалиста в статусе участника уголовного процесса с присущими ему процессуальными функциями. В настоящее время возможно утверждать, что существующий правовой статус следователя-криминалиста допускает его присутствие в ходе процессуальных действий лишь в качестве статиста или технического исполнителя распоряжений лица, производящего расследование. При этом действия следователя-криминалиста в подобной ситуации не имеют процессуально значимого характера» [29, с. 18].

Выделив такого квази-участника уголовного судопроизводства, законодатель не счёл необходимым последовательно отразить его в каких-либо иных нормах, неразрывно связанных с реализацией процессуальных полномочий следователя – например, при производстве следственных

действий, что предусматривается в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ: «следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

Отдельные авторы делают вывод, что «законодатель полагает, что следователь-криминалист может принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях, пользуясь процессуальным статусом следователя – по аналогии с тем, как руководитель следственного органа может пользоваться любыми полномочиями следователя (ч. 2 ст. 39 УПК РФ)» [10, с. 38].

Но такой подход в формулировании уголовно-процессуальных норм вряд ли можно поддержать, ввиду того, что он не способствует конкретизации процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, вызывая неоднозначность в толковании и, соответственно, правоприменении.

Формально, следователь-криминалист не является участником тех следственных действий, в нормах, регламентирующих производство которых, указание на него отсутствует.

В связи со сказанным, следует внести изменения в нормы действующего УПК РФ, направленные на уточнение статуса следователя-криминалиста. Это можно реализовать путём переформулировки п. 41.1 ст. 5 УПК РФ: «следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству, пользуясь при этом процессуальными полномочиями следователя, предусмотренными настоящим Кодексом».

В такого рода общем определении может заключаться тот минимум, который законодателю следует реализовать. Однако, представляется целесообразным произвести дополнительное уточнение процессуального статуса следователя-криминалиста, следуя общей логике построения главы 6 УПК РФ – то есть, выделив отдельную уголовно-процессуальную норму, в которой были бы сконцентрированы положения, характеризующие основные процессуальные полномочия и особенности статуса данного субъекта.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что, несмотря на введение в текст УПК РФ отдельного упоминания дополнительного квази-участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения в виде «следователя-криминалиста», ключевой фигурой обвинения на этапе досудебного производства продолжает оставаться «следователь» в качестве общего базового участника, в то время, как «следователь-криминалист» является, скорее, участником ситуативным.

Следует отметить, что в науке продолжает сохранять актуальность вопрос определения уголовно-процессуальной функции следователя в современных реалиях правоприменительной практики.

Как указывает М.Т. Аширбекова, «функции следователя, как и в целом его процессуальный статус, выступают своего рода индикаторами, проявляющими процессуальный облик предварительного следствия и, соответственно, «морфологию» уголовного судопроизводства» [3, с. 81].

Расположение ст. 38 УПК РФ, посвящённой, как уже было ранее отмечено, процессуальному статусу следователя, в главе 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», должно свидетельствовать о том, что следователь реализует функцию обвинения. Именно такая логика прослеживается при построении норм раздела II УПК РФ. Но правильно ли считать, что следователь, в направлении своей процессуальной активности, ограничен лишь обвинительным инструментарием?

Данный вопрос не является праздным, поскольку демонстрирует не вполне однозначное восприятие следователя на уровне науки и практики в качестве субъекта, чья деятельность имеет лишь обвинительное свойство. Многие специалисты забывают о том, что данный участник, осуществляя расследование преступления, должен быть объективным, стремясь к достижению объективной истины по делу, что не позволяет ему отыскивать лишь обвинительные доказательства, подтверждающие первоначальную версию о виновности обвиняемого. Он должен в равной мере отыскивать и оправдательные доказательства – вступающие в объективное противоречие с ранее полученными доказательствами виновности.

Как пишут отдельные авторы, «неоднозначность деятельности следователя с позиций реализуемой им процессуальной функции проявляется в контексте направленности на достижение назначения уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 УПК РФ. Ведь, помимо того, что следователь, реализуя свои должностные полномочия в ходе предварительного расследования, осуществляет не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Иное – противоречило бы обозначенному выше принципиальному положению, обозначенному в качестве цели и назначения всего комплекса уголовно-процессуальной деятельности» [46, с. 45].

То есть, свою процессуальную работу следователь проводит не только для того, чтобы привлечь предположительно виновного к ответственности (итоговое решение о виновности остаётся за судом), но и для обеспечения непривлечения к ответственности невиновного, для обеспечения реализации всего комплекса прав и свобод, гарантированных участникам уголовного процесса, включая самого обвиняемого.

В этой связи заслуживает одобрения следующая точка зрения: «По УПК РФ следователь отнесен наряду с прокурором, руководителем следственного органа и некоторыми участниками процесса, к стороне

обвинения. В силу этого такое решение законодателя, как надо признать не является по сути соответствующим сущности функции следователя. Процессуальное назначение деятельности следователя сводится исключительно к реализации предварительного расследования по делу, а потому она не должна быть ни обвинительной и не оправдательной» [9, с. 29].

Подобный вывод звучит убедительно, но из него всё же не следует конкретизация процессуальной функции следователя, а её необходимо определить и конкретизировать.

В одной из своих работ известный отечественный процессуалист С.А. Шейфер, указывает, что «смысл процессуальной деятельности следователя заключается в объективном и беспристрастном исследовании обстоятельств уголовного дела» [72, с. 51], при этом, по справедливому замечанию С.А. Шейфера, следователь «не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением» [73, с. 35].

Таким образом, С.А. Шейфер обоснованно рассматривает следователя как «исследователя обстоятельств криминального события, произошедшего в прошлом» [71, с. 8], говоря о следственных действиях, осуществляемых следователем в процессе расследования преступления, как об инструменте уголовно-процессуального познания.

Наиболее подходящим, соответствующим объективизации полномочий следователя, направленных на исследование доказательств, видится следующее наименование процессуальной функции следователя: «познавательско-исследовательская» функция.

Как отмечается К.А. Шишпановым, «эта исследовательская функция является стержнем деятельности следователя. Не секрет, что формальная оценка указанной деятельности может складываться из чисто цифровых,

статистических показателей, но настоящий профессионализм следователя раскрывается в том, насколько он владеет интеллектуальным искусством законного открытия истины» [74, с. 424].

Однако, как обозначенная функция, отражающая глубинное содержание деятельности следователя, соотносится с триадой процессуальных функций, основанных на идее состязательности? Речь идёт о функции уголовного преследования (обвинения), функции защиты и разрешения дела по существу.

В соответствии с этими базовыми направлениями деятельности законодатель и разделил участников уголовного судопроизводства, создав, как мы отметили выше, определённое противоречие.

«Нормативная группировка участников оказалась не совсем безобидной: следователя превратили в сторону, в игрока, фактически в законодательном порядке заставили отвернуться от исследовательской миссии. Все эти теоретико-правовые нюансы создают неблагоприятный фон для исследовательской функции следователя» [74, с. 424] – пишут в науке.

Ещё в советский период отдельные авторы высказывались о том, что «признание лишь трех процессуальных функций не охватывает всю полноту деятельности участвующих в деле лиц, искусственно ограничивая направленность их деятельности заданными направлениями без учета действительных процессуальных интересов» [11, с. 64].

Как видится, базовое разграничение процессуальных функций не очень гармонично «укладывается» в рамки предварительного расследования, сущность которого исследовательская.

Исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что функции следователя можно рассматривать, как минимум, в двух плоскостях. С позиции, обуславливаемой наличием в регулировании принципа состязательности, функцией анализируемого участника досудебного производства выступает уголовное преследование (обвинение), но в плоскости сущности реализуемой следователем деятельности в досудебном производстве, продиктованной назначением уголовного судопроизводства,

сформулированным в ст. 6 УПК РФ, его процессуальной функцией будет выступать познавательно-исследовательская функция.

2.2 Процессуальные полномочия следователя

Процессуальные полномочия в рамках анализа статуса следователя, как участника уголовного судопроизводства, являются ключевой составляющей, поскольку содержат в себе тот инструментарий, благодаря которому следователь имеет возможность реализовать свою процессуальную функцию – как базовую, которая заключается в осуществлении уголовного преследования (обвинения), так и дополнительную – познавательно-исследовательскую функцию, о чём говорилось ранее.

В уголовно-процессуальной науке отсутствует единое представление о понятии процессуальных полномочий следователя, что компенсируется высказываемыми авторами в учебных изданиях и научных статьях позициями по данному вопросу.

Есть мнение, что «полномочия следователя составляет некоторая совокупность его процессуальных прав (возбуждать уголовные дела или отказывать в их возбуждении, самостоятельно производить любые предусмотренные законом следственные действия и др.)» [31, с. 103].

Такой взгляд, несколько обедняет содержание анализируемого понятия, с учётом узкого понимания категории, за счёт исключения из содержания полномочий процессуальных обязанностей.

Более точное и содержательное определение сформулировано другим специалистом: «полномочия следователя — это закрепленные в процессуальном законе возможности, позволяющие ему свободно и самостоятельно определять характер своего поведения на предварительном следствии в целях наиболее успешного выполнения возложенных на него задач, и в то же время его обязанности, предписывающие ему необходимость

такого поведения, которое реализует его назначение в государственном механизме» [7, с. 10].

Основной процессуальной обязанностью следователя в уголовном процессе является осуществление уголовного преследования, включая возбуждение уголовного дела, предварительное следствие и подготовку обвинительного заключения (ст. 21, 38 УПК РФ). При этом, под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Как представляется, базовый комплекс полномочий следователя обозначен законодателем в ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Согласно данной уголовно-процессуальной норме, следователь уполномочен:

- возбуждать уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ;
- принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности;
- самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа;
- давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;

- давать следователю, дознавателю или органу дознания в порядке, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ, обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым;
- обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков;
- осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Подробно все обязанности следователя раскрываются в соответствующих статьях УПК РФ.

Таким образом, следователь является ключевой фигурой в уголовном процессе, которой предоставлено право осуществлять производство по уголовному делу на досудебной стадии.

Полномочия, связанные с производством следственных действий, пронизывают собой весь процесс доказывания, как сердцевину этапа предварительного расследования.

Необходимо учесть, что предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 14.01.2020 г. № 4-О [36].

Анализ вышеназванного Определения позволяет сделать вывод о том, что наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключает необходимость выполнения следователем при осуществлении

уголовного преследования всего комплекса предусмотренных УПК РФ (в частности, ст. ст. 7, 11, 14 и 16 УПК РФ) мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Соответствующие позиции, подтверждающие данный тезис, последовательно обозначены в ряде материалов судебной практики.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П [42], Конституционный Суд РФ акцентирует внимание на необходимости подчинения следователя, представляющего в своей деятельности государство, предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства (абз. 3 п. 3 Постановления), что предопределяет нормативные рамки свободы, которой наделён анализируемый участник уголовного процесса.

В одном из Определений от 24.01.2008 г. № 63-О-О [38], Конституционный Суд РФ, касаясь вопроса пределов усмотрения следователя, при реализации предоставленных ему законом полномочий, подчёркивает необходимость выполнения следователем всего комплекса процессуальных мер по охране прав и свобод человека и гражданина (п. 2.1 Определения). То есть, независимо от того, что законодатель не говорит об этом непосредственно в ст. 38 УПК РФ, регламентируя отдельные полномочия следователя, рамки усмотрения данного участника лежат в общих границах, установленных уголовно-процессуальными принципами.

Данный тезис фактически дословно продублирован Конституционным Судом РФ в п. 2 Определения от 16.07.2015 г. № 1616-О [37], и абз. 2 п. 2 Определения от 26.01.2017 г. № 4-О [39].

Подобные обязанности возлагаются на следователя и при решении вопросов о начале (продолжении) уголовного преследования в отношении конкретного лица и о его прекращении по соответствующим основаниям, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 21.11.2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» [41].

Кроме того, анализ текста данного Постановления демонстрирует правовую ситуацию, при которой следователь, действуя по своему усмотрению расследуя уголовное дело, действует, при этом, необоснованно, нарушая, по мнению заявителя, его законные права.

Если следование нормам-принципам и иным императивным положениям УПК РФ говорит о законности реализации полномочий следователя, то в данном случае речь идёт об ином аспекте – а именно обоснованности действий. То есть, на практике возможны ситуации, при которых действия следователя, не противореча нормативным положениям, являются необоснованными. Но это не порок сформулированных законодателем полномочий следователя, а порок их фактической реализации в следственной практике.

В данном случае Конституционный Суд РФ верно указывает на необходимость судебного обжалования при котором «суд не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности оспариваемых действий (бездействия) или решений» (абз. 5 п. 5 Постановления).

В этом проявляется значение одного из аспектов судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации полномочий следователя в досудебном производстве.

Под общими обязанностями следователя, исходя из норм УПК РФ, следует понимать те полномочия, которые непосредственно связаны с осуществлением производства по уголовному делу и расследованием преступлений.

К ним можно отнести:

- принятие и проверку сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);
- принятие предусмотренных УПК РФ мер по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ);
- установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ);
- выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ);
- принятие мер по обеспечению гражданского иска в случае, если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред (ст. 160.1 УПК РФ);
- принятие процессуальных решений о дальнейшем движении уголовного дела, включая вынесение законных, обоснованных и мотивированных постановлений, назначение экспертиз, подписание обвинительного заключения и т.д.

Таким образом, основной обязанностью следователя в уголовном процессе является осуществление уголовного преследования до момента передачи дела на судебное рассмотрение, сбор доказательств, устанавливающих виновность лица, в том числе, путём производства следственных и иных процессуальных действий для обеспечения всестороннего расследования преступлений.

При этом, что важно, в УПК РФ предусмотрено также возложение на следователя обязанностей по соблюдению прав и законных интересов участников уголовного процесса.

К ним относится, например, обеспечение участия защитника в уголовном процессе (ч. 2 ст. 51, ч. 5 ст. 189 УПК РФ), вручение участникам уголовного судопроизводства копий вынесенных по делу постановлений (ч. 4 ст. 213 УПК РФ) и т.д.

Безусловно, в процессе осуществления уголовно-процессуальных полномочий, при производстве предварительного следствия, на следователя распространяются не только требования уголовно-процессуального законодательства.

Например, следователь предоставляет подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей, свидания с родственниками, руководствуясь ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [66].

Принимая решение об оставлении осужденных или переводе их в следственный изолятор для производства следственных и иных процессуальных действий, следователь руководствуется ч. 1 ст. 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [58] (УИК РФ).

Необходимо учитывать, что предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом.

Кроме указанных, УПК РФ предусмотрены и другие обязанности следователя.

Например:

- в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора (ч. 3 ст. 38 УПК РФ);
- исполнить обязанности по уведомлению о задержании в соответствии со ст. 96 УПК РФ (ч. 3 ст. 46 УПК РФ);
- при наличии оснований для отвода, предусмотренных гл. 9 УПК РФ, уклониться от участия в производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 62 УПК РФ);

- сообщить о произведенном задержании прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого (ч. 3 ст. 92 УПК РФ);
- по требованию реабилитированного, а в случае его смерти - его близких родственников или родственников в срок не позднее 14 суток направить письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства (ч. 4 ст. 136 УПК РФ);
- при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц, рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении (ч. 2 ст. 148 УПК РФ);
- рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство в порядке, установленном гл. 15 УПК РФ (ч. 1 ст. 159 УПК РФ);
- если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, а равно возможно применение мер по конфискации имущества, незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 160.1 УПК РФ).

Таким образом, предоставленные следователю полномочия реализуются им по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом – в целом комплексе процессуальных норм и институтов.

Подводя итог рассмотрения основных полномочий следователя, можно сделать вывод о том, что данная категория является весьма обширной. Тот общий перечень процессуальных правомочий, который находит своё отражение в ч. 2 ст. 38 УПК РФ не подлежит ограниченному толкованию, являясь открытым.

В этой связи очевидно, что иные полномочия следователя органично вплетены законодателем в нормативную регламентацию отдельных уголовно-процессуальных институтов.

Так, отдельные полномочия следователя, связанные с производством следственных действий, раскрываются и детализируются применительно к каждому следственному действию, а также в рамках общих правил производства следственных действий.

2.3 Проблема процессуальной самостоятельности следователя

В российском уголовном процессе активно обсуждается феномен процессуальной самостоятельности следователя, включая вопросы о её сущности, границах и способах реализации. Это вызвано фактическим отсутствием определения данной категории в действующем законодательстве, что также предопределяет необходимость научной проработки данного вопроса.

Следователь, реализуя свои процессуальные полномочия, наделён процессуальной самостоятельностью – на данном аспекте, характеризующим процессуальную активность следователя, акцентируется внимание в науке.

Расследуя преступление, в рамках возбуждённого уголовного дела, следователь самостоятельно, опираясь на сформированное внутреннее убеждение, оценивают каждое доказательство в отдельности, а также все собранные по делу.

В своей повседневной практике следователь принимает множество процессуальных решений, связанных с инициацией производства по делу, или же с его прекращением по указанным в законе основаниям, с реализацией прав участников процесса, включая подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, производством следственных действий, применением мер уголовно-процессуального принуждения и т.д.

С учётом сказанного, категория «процессуальная самостоятельность следователей» (проблема определения её сути, рамок и форм проявления) – это дискуссионный вопрос. Правовую определённость наличию анализируемого института придаёт лишь указание на него в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. В соответствии с указанной нормой, следователь уполномочен «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа».

В последнее время появились разные научные взгляды на необходимость обеспечения процессуальной самостоятельности следователей, однако единый законодательный, а также научный подход к решению такой задачи отсутствует.

Т.С. Спешилова понимает процессуальную самостоятельностью как «правовое положение следователя, состоящее в том, что данный участник самостоятельно, по личной инициативе, основываясь только на своём внутреннем убеждении, анализе имеющейся информации и в строгом соблюдении уголовно-процессуального закона, производит действия по осуществлению всего предварительного следствия и производства отдельных следственных действий, за исключением случаев, когда законом предусматривается решение суда или согласие руководителя» [56, с. 175].

Иными словами, анализируемый нами участник уголовно-процессуальной деятельности обладает установленной свободой в принятии процессуальных решений во всех случаях, за исключением ситуаций, сопряжённых с необходимостью согласования действия или решения с иным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

Процессуальная регламентация указывает на то, что независимость следователей – это обязательный элемент их профессионально-

процессуальной деятельности. Наличие самостоятельности проявляется в сформулированных полномочиях.

Если исследовать правовую конструкцию озвученного положения, можно выявить несколько его свойств.

Исходя из подхода к правовой регламентации, это положение можно назвать диспозитивным, так как оно непосредственно предусматривает получение следователем дискреции – то есть свободы выбирать, как использовать те, или иные полномочия, чтобы наилучшим образом организовать свою процессуальную деятельность.

В соответствии со степенью правовой конкретности, положение можно назвать условно конкретным, так как оно, установив следователям несколько потенциальных альтернатив действий, не содержит конкретизации условий для обоснования решений следователей в тех, или иных следственных ситуациях, оставляя вопрос, связанный с решением процессуальных задач на собственное усмотрение следователя.

В соответствии с перечисленными свойствами исследуемого положения, можно сделать вывод о том, что самостоятельность следователя выступает в качестве индивидуально-неопределённого полномочия, имеющего достаточно абстрактное содержание.

Наличие такой правовой неопределенности в законодательной регламентации проблемы целевого предназначения работы следователей приводит к недопониманию и в области функционального предназначения независимости, которую предоставил следователям федеральный законодатель.

Иначе говоря, не совсем ясно, зачем нужна эта самостоятельность в контексте осуществления процессуальной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам в Российской Федерации.

Исходя из системного толкования отдельных уголовно-процессуальных норм, проведении объективного, полного и всестороннего расследования по уголовному делу является одним из приоритетов.

Что же касается процессуальной самостоятельности следователя, то по мнению отдельных авторов следователь наделён таковой «для беспрепятственного осуществления деятельности по установлению объективной истины в ходе досудебного производства по уголовному делу» [33, с. 32].

Также, самостоятельность следователя отдельные исследователи определяют в качестве «судопроизводственного принципа» [35, с. 9], как категорию, которую «необходимо рассматривать сквозь призму взаимоотношений следователя с должностными лицами, осуществляющими контроль и надзор (руководитель следственного органа, суд и прокурор) за его процессуальной деятельностью» [70, с. 124].

В.А. Азаров обоснованно считает, что «действительная самостоятельность следователя – это отнюдь не фетиш, а достаточно эффективное средство объективного, полного и всестороннего расследования уголовного дела, без чего нельзя и помыслить о законном и справедливом его разрешении» [1, с. 10].

Сходные мнения высказываются в ряде работ процессуалистов. Исследователи указывают, что процессуальная самостоятельность следователя выступает «одной из основ его процессуальной деятельности» [24, с. 154], «важнейшим средством реализации функции предварительного расследования» [47, с. 136], «одним из средств повышения эффективности и законности расследования уголовного дела» [12, с. 127], а также «необходимым условием всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела» [18, с. 7].

Непосредственно же под усмотрением следователя, по мнению А.Р. Вартанова, понимается «выбранный следователем вариант процессуального участия из законных и возможных альтернативных вариантов» [6, с. 9].

Проведенный анализ категории «процессуальная самостоятельность следователя» позволяет сформулировать следующие признаки данного института:

- процессуальная самостоятельность выступает в качестве средства достижения назначения уголовного судопроизводства в целом, закреплённого в ст. 6 УПК РФ;
- реализация процессуальной самостоятельности следователя происходит посредством процессуальных полномочий, закреплённых в УПК РФ: связанных с возбуждением уголовного дела, его расследованием, применением мер процессуального принуждения и т.д.;
- реализация процессуальной самостоятельности следователя, в условиях состязательности, выступает средством достижения истины при производстве по уголовным делам и т.д.

Исходя из изложенного, процессуальную самостоятельность следователя можно рассматривать в качестве инструмента, предназначенного для полноценного обеспечения эффективной процессуальной деятельности, позволяющего создать необходимые гарантии свободной реализации полномочий, учитывая, с одной стороны, императивное регулирование, содержащееся в нормах УПК РФ, а с другой стороны – всё многообразие следственных ситуаций, требующих от следователя динамичного реагирования, проявления гибкости мышления и т.д.

Как указывает в одной из своих работ С.Б. Россинский, подлинная процессуальная самостоятельность следователя может быть обеспечена лишь путем изменения базовых подходов к деятельности органов предварительного следствия, а именно посредством формирования и введения в действие принципиально иной концепции следственной власти. Только в этом случае российская система предварительного следствия сможет постепенно избавиться от присущей ей бюрократической ментальности [45, с. 75].

Ответы на вопросы, связанные с направленностью совершенствования норм, регламентирующих процессуальную самостоятельность следователя представляются крайне сложными и неоднозначными. Однако в любом случае дальнейшие преобразования органов предварительного следствия в целом и правового положения следователя в частности могут быть разумны и продуктивны только после появления четкой, стройной и хорошо продуманной перспективной концепции развития национальной системы досудебного производства.

На основании изложенного можно сделать вывод, что процессуальную самостоятельность следователя необходимо рассматривать не просто как основу его процессуального статуса или совокупность его прав, а как его правовое состояние, в котором он пребывает на протяжении реализации его уголовно-процессуальных функций, когда следователь вступает в различные правоотношения с иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь, наделенными определенными властными полномочиями.

При этом, вопрос обеспечения процессуальной самостоятельности следователя тесно связан с контролем за действиями и решениями следователя, как субъекта процессуальных отношений, наделённого обширными властными полномочиями. Данный вопрос нуждается в более детальном рассмотрении в рамках следующей главы данного исследования.

В заключении второй главы исследования, сформулируем следующие выводы.

Законодатель раскрывает содержание нормативного понятия «следователь» в ст. 38 УПК РФ через функциональное предназначение такового, в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

При этом законодатель производит регламентацию общей процессуальной роли данного участника, оставляя за рамками таковой непосредственную ведомственную принадлежность такового.

То есть, уголовно-процессуальный статус следователя – это общая категория, предопределяемая ролью такого участника в уголовном судопроизводстве. Из какой бы правоохранительной структуры не был конкретный следователь, расследующий уголовное дело, ему будет соответствовать тот общий объём процессуальных полномочий, которые законодатель предусматривает для указанной процессуальной роли.

Нельзя также не обратить внимание на ещё одно нововведение, связанное с понятийным определением, имеющим отношение к анализируемому участнику уголовного судопроизводства. Речь идёт о введении в п. 40 ст. 5 УПК РФ понятия «следователь-криминалист».

Выделив такого квази-участника уголовного судопроизводства, законодатель не счёл необходимым последовательно отразить его в каких-либо иных нормах, неразрывно связанных с реализацией процессуальных полномочий следователя. Но такой подход в формулировании уголовно-процессуальных норм вряд ли можно поддержать, ввиду того, что он не способствует конкретизации.

Формально следователь-криминалист не является участником тех следственных действий, в нормах, регламентирующих производство которых, указание на него отсутствует.

В связи со сказанным, следует внести изменения в нормы действующего УПК РФ, направленные на уточнение статуса следователя-криминалиста. Это можно реализовать путём переформулировки п. 41.1 ст. 5 УПК РФ.

В такого рода общем определении может заключаться тот минимум, который законодателю следует реализовать. Однако, представляется целесообразным произвести дополнительное уточнение процессуального статуса следователя-криминалиста, следуя общей логике построения главы 6 УПК РФ – то есть, выделив отдельную уголовно-процессуальную норму, в которой были бы сконцентрированы положения, характеризующие основные процессуальные полномочия и особенности статуса данного субъекта.

Однако, ключевой фигурой обвинения на этапе досудебного производства продолжает оставаться «следователь» в качестве общего базового участника, в то время, как «следователь-криминалист» является, скорее, участником ситуативным.

Что касается процессуальной функции следователя, то, исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что функции следователя можно рассматривать, как минимум, в двух плоскостях. С позиции, обуславливаемой наличием в регулировании принципа состязательности, функцией анализируемого участника досудебного производства выступает уголовное преследование (обвинение), но в плоскости сущности реализуемой следователем деятельности в досудебном производстве, продиктованной назначением уголовного судопроизводства, сформулированным в ст. 6 УПК РФ, его процессуальной функцией будет выступать познавательно-исследовательская функция.

Основной обязанностью следователя в уголовном процессе является осуществление уголовного преследования до момента передачи дела на судебное рассмотрение, сбор доказательств, устанавливающих виновность лица, в том числе, путём производства следственных и иных процессуальных действий для обеспечения всестороннего расследования преступлений.

Можно сделать вывод о том, что данная категория является весьма обширной. Тот общий перечень процессуальных правомочий, который находит своё отражение в ч. 2 ст. 38 УПК РФ не подлежит ограниченному толкованию, являясь открытым.

В этой связи очевидно, что иные полномочия следователя органично вплетены законодателем в нормативную регламентацию отдельных уголовно-процессуальных институтов.

Так, отдельные полномочия следователя, связанные с производством следственных действий, раскрываются и детализируются применительно к каждому следственному действию, а также в рамках общих правил производства следственных действий.

Важным является вопрос, связанный с определением содержания процессуальной самостоятельности следователя. Анализируемый участник уголовно-процессуальной деятельности обладает установленной свободой в принятии процессуальных решений во всех случаях, за исключением ситуаций, сопряжённых с необходимостью согласования действия или решения с иным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

Процессуальная регламентация указывает на то, что независимость следователей – это обязательный элемент их профессионально-процессуальной деятельности. Наличие самостоятельности проявляется в сформулированных полномочиях.

Процессуальную самостоятельность следователя можно рассматривать в качестве инструмента, предназначенного для полноценного обеспечения эффективной процессуальной деятельности, позволяющего создать необходимые гарантии свободной реализации полномочий, учитывая, с одной стороны, императивное регулирование, содержащееся в нормах УПК РФ, а с другой стороны – всё многообразие следственных ситуаций, требующих от следователя динамичного реагирования, проявления гибкости мышления и т.д.

Глава 3 Взаимодействия следователя с другими участниками уголовного судопроизводства

3.1 Взаимодействие следователя с органами дознания

Безусловно, органы дознания и предварительного следствия функционируют не изолированно. Наоборот, практика повышения эффективности предварительного расследования диктует необходимость налаживания эффективного взаимодействия между следователями и органами дознания, позволяющего объединить процессуальные и непроцессуальные средства получения сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Федеральным законом от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ [68] в положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ были внесены существенные уточнения, допускающие на этапе рассмотрения сообщения о преступлении возможность взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

В дальнейшем Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ [64] диспозиция ч. 1 ст. 144 УПК РФ изложена в новой редакции, сохранившей возможность указанного взаимодействия.

Как отмечает А.Л. Аристарховым, «ранее, до внесения указанных изменений в уголовно-процессуальный закон, возможность взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, допускалась лишь после возбуждения уголовного дела и производилось оно в рамках исполнения органом дознания письменных поручений следователя о производстве отдельных следственных действий, розыскных мероприятий, а также в процессе привлечения сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к работе в рамках следственной группы. Эти нормы и в настоящее время продолжают применяться» [2, с. 65].

Как уже ранее отмечалось, согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий. Исходя из содержания ч. 1 ст. 152 УПК РФ, следователь вправе поручить органу дознания производство следственных или розыскных действий. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Такова основа процессуального взаимодействия следователя и органов дознания, обозначенная в ряде уголовно-процессуальных норм.

Установление обстоятельств события преступления, лица, совершившего преступление входят в содержание функции уголовного преследования и происходят в ходе ее реализации.

Как пишут специалисты, «поступившее сообщение о преступлении, зарождающая необходимость осуществления функции уголовного преследования, побуждает ее проявление в форме реагирования компетентных государственных органов на указанные в поступившем сообщении признаки путем начала проведения проверки. При этом сообщение о преступлении будет началом, предопределяющим возможность осуществления уголовного преследования с определенной вероятностью, степень которой зависит от многих факторов, в том числе от содержания поступившей информации, ее подтверждения имеющимися материалами и т.д.» [17, с. 61]

Потому в этой ситуации прежде всего самому следователю необходимо разобраться с вопросом о подтверждении наличия признаков совершенного преступления в поступившем сообщении в том числе из органа дознания.

Отражение полученных результатов проверки сообщения о преступлении, по сути, возможно в двух основных процессуальных формах – постановлении о возбуждении уголовного дела, либо отказе в этом.

Соответственно, как указывается специалистами, «принятие в дальнейшем следователем одного из предусмотренных в ч. 1 ст. 145 УПК процессуальных решений фактически разрешает указанные вопросы. Официально констатируется либо установление признаков совершенного преступления, а значит и корреспондирующая необходимость (обязанность) для должностных лиц правоохранительных органов осуществления уголовного преследования, либо отсутствие таких признаков» [2, с. 67].

Поэтому основанием для установления потенциальной возможности взаимодействия является прежде всего публичная констатация факта наличия признаков совершенного преступления, элементы которого находят свое отражение в постановлении о возбуждении уголовного дела, отвечающем критериям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

В дальнейшем начало взаимных действий, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления (уголовное преследование), может быть обусловлено и исполнением данного следователем письменного поручения органу дознания в том числе о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также использованием следователем полученных органом дознания результатов оперативно-розыскной деятельности для формирования доказательств по уголовному делу, о чем указано в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ.

В связи с этим представляется верным мнение Н.А. Якубович, которая определила взаимодействие следователя и органа дознания в качестве «сочетания присущих им средств и методов при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, отнесенных к компетенции следователя» [75, с. 225].

Очевидно, что на этапе проверки сообщения о преступлении возможность оказания практической помощи сотрудниками органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, следователю весьма желательна.

С учетом того что следователь в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ вправе осуществлять и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, думается, что устные, а также письменные требования следователя органу дознания, изложенные в условной форме поручения, возможно рассматривать лишь в качестве его одномоментной просьбы об оказании определенной практической помощи при проведении процессуальной проверки для выполнения составляющих ее элементов, например, получения объяснения, ответа на запрос и т.д.

Такая информация будет иметь иной характер и может быть представлена органом дознания следователю в письменной форме, не предусмотренной нормативными актами, регулирующими вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности. О результатах исполнения такой просьбы думается возможным уведомлять следователя путем одновременного направления соответствующих материалов, что зачастую и происходит на практике.

3.2 Ведомственный контроль и прокурорский надзор за деятельностью следователя

Надлежащий контроль за процессуальной деятельностью субъекта уголовного процесса, обладающего властными полномочиями, является необходимым гарантом законности и обоснованности принимаемых им решений. Это особенно важно, учитывая предусмотренную уголовно-процессуальным законом возможность следователя активно применять к участникам процессуальных отношений меры принуждения, включая самые строгие – ограничивающие конституционные права и свободы личности.

Вопрос контроля за деятельностью следователя органично переплетается с обеспечением его процессуальной самостоятельности, о чём уже было указано ранее в рамках предыдущей главы исследования.

В аспекте обеспечения баланса самостоятельности и подконтрольности, как отмечается исследователями, имеется ряд проблем, требующих внимания и внесения корректировок, направленных на совершенствование существующего регулирования в рамках УПК РФ.

В частности, есть мнение о том, что процессуальная самостоятельность следователя в большей мере является декларативной, чем реальной, учитывая многочисленные контрольные механизмы, включённые законодателем.

Как пишет Е.В. Смахтин, фактически, следователь превратился в лицо, оформляющее уголовное дело под контролем своего руководителя, а не расследующее преступление [54, с. 87].

Комплексные изменения, которые произошли уже более 15 лет назад в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [65], привели, по мнению отдельных авторов к подобным итогам.

«Изменения полномочий руководителя следственного органа и прокурора, продиктованные, как заявлялось, заботой о совершенствовании правовых механизмов, обеспечивающих процессуальную самостоятельность следователя, привели к тому, что следователь стал еще более зависим от своего непосредственного руководителя, чем это было ранее» [21, с. 81], – пишут С.В. Корнакова и А.В. Чубыкин.

Есть мнение, что анализ процессуальных возможностей, которыми обладает руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ), невзирая на декларативные заявления о самостоятельности следователя, нейтрализуют такую, оставаясь лишь «благим пожеланием» законодателя.

Федеральным законом от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [62] руководитель следственного органа получил дополнительные возможности в указанном направлении сокращения свободы следователя в выборе значимых процессуальных решений при расследовании уголовных дел.

В частности, критические мнения отдельных авторов высказывались на предмет целесообразности наделения руководителя следственного органа полномочиями, связанными с производством допроса.

Как отмечает В.А. Семенцов, «введенное законодателем процедурное правило не только неоправданно усложняет порядок производства предварительного следствия, но и в очередной раз ставит под сомнение продекларированную уголовно-процессуальным законом процессуальную самостоятельность следователя» [49, с. 364].

Если следователь несёт персональную ответственность за свои действия и решения, связанные с организацией процессуальной работы, связанной с расследованием уголовного дела, то для чего такого рода полномочие иному участнику уголовного процесса, выполняющему распорядительные функции?

Однако, в первую очередь, приковывает к себе внимание перечень процессуальных вопросов, требующих согласования со стороны руководителя следственного органа, как должностного лица, осуществляющего контроль за реализацией следователем своих полномочий.

В соответствии с рядом положений действующего УПК РФ, следователь не вправе без согласования принять многие процессуальные решения, о чём говорят: п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, п. 4 и 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, ч. 6 ст. 220 УПК РФ, ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ, ч. 1 ст. 427 УПК РФ и т.д.

Таким образом, рамки процессуальной самостоятельности следователя на практике оказываются довольно узкими, учитывая указанные полномочия руководителя следственного органа, который стал ключевой фигурой ведомственного контроля, обладающего в уголовном процессе не только непосредственно полномочиями, направленными на осуществление уголовного преследования, но и многочисленными организационными, которые связывают следователя подотчётностью перед ним.

В отношении следователя, помимо вышеназванного участника уголовного судопроизводства, комплекс контрольно-надзорных полномочий сохранился за таким значимым участником уголовного судопроизводства со

стороны обвинения, как прокурор, который управомочен законодателем осуществлять в процессе досудебного производства по уголовным делам надзорные полномочия.

Как в этой связи пишут отдельные авторы, «нахождение в фактически подчинённом положении, как относительно руководителя следственного органа, так и относительно прокурора, минимизирует возможность принятия следователем процессуальных решений, основанных на внутреннем убеждении» [44, с. 114].

При сопоставлении вопросов ведомственного контроля за решениями следователя со стороны руководителя следственного органа и вопросов судебных полномочий, связанных с судебным контролем в досудебном производстве, возникает ощущение «дублирования» контроля. Ведь, прежде чем выйти с соответствующим ходатайством в суд, следователю надлежит пройти контроль со стороны руководителя следственного органа.

По мнению отдельных учёных, «чрезмерность существующего контроля не может отвечать публичным интересам, поскольку создает препятствия для должной реализации процессуальной самостоятельности следователя, не может обеспечить необходимый баланс между соблюдением законных прав участников предварительного расследования, с одной стороны, и эффективностью самого расследования – с другой» [4, с. 11].

Перед следователем, иницирующим производство следственных или иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные полномочия лиц, вовлечённых в уголовно-процессуальную деятельность, возникает своего рода бюрократический барьер в виде предварительного согласования своей инициативы у руководителя следственного органа.

Лишь при преодолении данного барьера такое ходатайство следователя попадает на рассмотрение судьи, реализующего, в свою очередь, полномочия по контролю за предварительным расследованием.

Как замечает В.А. Семенцов, «вполне достаточно было бы судебной процедуры получения разрешения следователем на производство

процессуальных действий, затрагивающих права и свободы личности, которая предусмотрена уголовно-процессуальным законом, без получения согласия на это руководителя следственного органа» [49, с. 362].

Автор последователен в своём выводе о том, что «содержание задач предварительного следствия и совокупность властных полномочий следователя позволяют с уверенностью утверждать, что ему, с учетом персональной ответственности за результаты расследования, не требуется согласование с руководителем следственного органа процессуальных действий, производимых на основании судебного решения, поскольку двойной контроль неоправданно усложняет процедурные правила производства, существенно затрагивая его независимость и процессуальную самостоятельность» [49, с. 363].

В вопросе соотношения прокурорского надзора и ведомственного контроля за действиями и решениями следователя есть не состыковка, на которую также обращают внимание авторы.

В частности, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен «давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения».

Но при этом, на последующем судебном этапе уголовно-процессуальной деятельности, прокурор, а не руководитель следственного органа поддерживает обвинение. И прокурор, как видится, на этапе расследования дела, во многом лишён возможности вникнуть в ход производства по делу.

Как пишут А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, «прокурор, во многом, владеет гораздо меньшим, по сравнению со следователем и руководителем следственного органа, объемом информации по конкретному уголовному делу, что побуждает его привлекать следователя к участию в судебном заседании нередко заменяя прокурора, который не всегда способен с полным знанием дела обосновать ходатайство» [55, с. 122].

То есть, более логичным было бы переадресовать подобное согласование прокурору.

В некоторых работах высказывается мнение о том, что на фоне расширения ведомственного контроля со стороны руководителя следственного органа необоснованно нивелирован прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следователя.

Отдельные авторы замечают, что корректировка УПК РФ, которая ограничила на данный момент прокурорскую надзорную деятельность в отношении работы следователя, негативно повлияла и на профилактические элементы, которые прокуроры вносили в работу следователя. Если говорить о ведомственном контроле, то он способен играть роль дополнительного профилактического фактора по отношению к следственным сотрудникам, благодаря чему происходит минимизация профессиональных недочетов. Однако это слабая замена прокурорскому надзору, который может стать эффективным профилактическим барьером, препятствующим квалификационным ошибкам [45, с. 73].

Дело в том, что особый признак надзора прокурора за работой следователя при расследовании им дела и при производстве им квалификации деяния состоит в том, что этот надзор является независимым (в отличие от ведомственного контроля) профилактическим влиянием прокуратуры на следователя, которую нельзя заменить контролем ведомственным. Ведь посредством прокурорского надзора контролируется процессуальная работа следователя, включая профилактику профессиональных его просчётов.

Надзор не нацелен на решение ведомственных вопросов, он имеет своё самостоятельное значение в вопросе обеспечения законности производства по уголовным делам.

Кроме этого, согласие руководителя следственного органа должно быть получено следователем и в иных указанных в законе случаях. К таким случаям относится:

- прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);
- прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ);
- прекращение уголовного дела по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ);
- прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ);
- продление срока предварительного следствия либо установление дополнительного срока следствия (ст. 162 УПК РФ);
- сохранение в тайне данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);
- направление прокурору обвинительного заключения, подписанного следователем (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения (либо квалификации действий обвиняемых) или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (ч. 4 ст. 221 УПК РФ);
- направление прокурору мотивированного постановления следователя о возбуждении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ).

Во многих указанных выше правовых ситуациях, законодателем использован диспозитивный оборот, который говорит о праве следователя инициировать соответствующее процессуальное решение, но при этом, данный оборот тут же нейтрализуется ограничительным заключением: «с согласия руководителя следственного органа».

Подобные ограничения, распространяемые на следователя, как видно, продиктованы благими намерениями законодателя, который желал бы в максимальном объёме и на должном качественном уровне обеспечить реализацию принципа законности при производстве предварительного расследования.

То есть, посредством усиления ведомственного контроля осуществляется попытка создать комплексные процессуальные гарантии законности действий следователя.

Но фактически любое из имеющих значение для хода и результатов расследования по делу решений следователя надлежит сначала «проверить на прочность» в рамках ведомственного контроля, а затем – в рамках контроля судебного.

Следует поддержать С.Д. Игнатова в его выводе о том, что, «по сути, следователя можно считать руководителем процесса расследования лишь до тех пор, пока принятые им решения по уголовному делу не будут изменены руководителем следственного органа. В результате процессуальная роль следователя при законодательно закреплённой коррекции его действий руководителем следственного органа, судом и прокурором сводится к простому техническому оформлению принятых указанными должностными лицами решений» [16, с. 106].

При таком положении дел, вести речь о реальной процессуальной самостоятельности и ответственности следователя, как ключевого субъекта досудебного производства, весьма трудно.

Некоторые учёные считают, что «многих следователей - это положение устраивает, поскольку оно безответственное. За что отвечает следователь? Формально – за все. По общей норме – фактически ни за что» [22, с. 103].

Приведённое суждение вряд ли справедливо по отношению ко всем следователям, но, видимо, у его автора есть основания для подобной оценки.

Тем не менее, в науке есть и иные мнения. В частности, отдельные авторы полагают, что «согласование ходатайств руководителем следственного

органа с одной стороны, и прокурорский надзор за деятельностью следователя с другой стороны не влияют негативным образом на процессуальную самостоятельность следователя» [46, с. 46].

Заслуживает внимания позиция П.Г. Марфицина и А.А. Пронина, по мнению которых «в рамках процессуальной деятельности о полной независимости субъекта говорить достаточно сложно и следует учитывать многие факторы как объективного, так и субъективного характера, влияющие на принимаемые следователем решения. В частности, в первом случае следователь ориентируется не только на положения закона и обстоятельства отдельной криминальной ситуации, но и на поведение участников производства по уголовному делу, заявляемые ими ходатайства и жалобы, на складывающуюся правоприменительную практику, статистические показатели работы, общественное мнение и многое другое. Оградить следователя от такой объективно возникающей зависимости практически невозможно» [28, с. 242].

Анализ практики, проведенный Х.Б. Бегиевым, показывает, что «далеко не все следователи сразу, с первых же дней работы в следственных органах, способны самостоятельно и качественно проводить расследование по уголовным делам. Напротив, регулярные отчеты о проделанной работе руководителю следственного органа и получение от него указаний о направлении хода расследования во многих случаях позволяют следователям избежать процессуальных нарушений и способствуют получению ими необходимого опыта следственной работы. В то же время негативной стороной подобного контроля может стать привыкание следователя к такому порядку профессиональной деятельности и, как следствие, может привести к его процессуальному иждивенству» [5, с. 53].

И.В. Ткачев также выражает озабоченность по поводу положения следователя, указывая на то, что «вследствие практически полной зависимости следователя от руководителя следственного органа может стать привычной ситуация, когда следователь при принятии решений будет руководствоваться

не своим внутренним убеждением и законом, а мнением начальника» [57, с. 25].

Но избыток контроля в любой управленческой деятельности неизбежно нивелирует инициативную, творческую составляющую при принятии управленческих решений. Данный тезис вполне применим и к отношениям, складывающимся между участниками уголовного судопроизводства, обладающими властными полномочиями и находящимся в отношениях власти и подчинения.

Кроме того, дополнительное обременение процедурного характера способно создать дополнительные сложности быстрому производству тех, или иных процессуальных действий, что может негативно повлиять, в конечном итоге, на результат процессуальной работы.

Р.В. Мазюк считает, что «наделение следователя процессуальной самостоятельностью – это необходимое условие надлежащего обеспечения своевременного и законного производства по уголовному делу. Следователь должен осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в условиях должной процессуальной самостоятельности, гарантированной УПК РФ, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора, иных должностных лиц органов государственной власти» [26, с. 81].

В связи с этим следует согласиться с мнением С.В. Корнаковой, которая считает, что «совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно идти по пути сокращения до разумных пределов решений следователя, требующих какого-либо согласования. Как компетентное должностное лицо, наделенное властными полномочиями, следователь должен быть независимым и самостоятельным в своих решениях и процессуальных действиях, при этом его основной обязанностью является обязанность действовать в строгих рамках уголовно-процессуального законодательства, не превышая своих полномочий и не злоупотребляя ими» [20, с. 121].

Можно сделать вывод о том, что в современном процессуальном регулировании, самостоятельность следователя, которой его номинально снабдил законодатель, ограничена ведомственными контрольными полномочиями, а также полномочиями, реализуемыми в рамках прокурорского надзора.

Таким образом, создание баланса в обеспечении необходимого и эффективного контроля за процессуальной деятельностью следователя и его самостоятельностью, выступающей в качестве инструмента, предназначенного для полноценного обеспечения эффективной процессуальной деятельности, позволяющего создать необходимые гарантии свободной реализации полномочий, учитывая, с одной стороны, императивное регулирование, содержащееся в нормах УПК РФ, а с другой стороны – всё многообразие следственных ситуаций, требующих от следователя динамичного реагирования, проявления гибкости мышления, продолжает являться насущной задачей для законодателя.

При проведении законодательных корректировок в анализируемой сфере также весьма желательно обеспечить необходимую внутреннюю независимость следователя, оградить его от возможного ведомственного давления, при этом, создав механизмы контроля за отсутствием в деятельности следователя произвола.

Что же касается судебного контроля, появляющегося применительно к деятельности следователя там, где ведётся речь об ограничении конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве по делу, то он нуждается в отдельном внимании.

3.3 Судебный контроль за деятельностью следователя

Помимо ведомственного контроля и прокурорского надзора за деятельностью следователя, связанной с досудебным производством, законодатель предусматривает осуществление судебного контроля.

С одной стороны, данный контроль состоит, как уже было ранее отмечено, в судебном санкционировании процессуальных действий следователя в досудебном производстве, затрагивающих комплекс конституционных прав и свобод личности в уголовном процессе, а с другой – в возможности судебного обжалования заинтересованным лицом решений и действий (бездействия) следователя, равно, как и иного участника уголовного судопроизводства, обладающего властными полномочиями.

Процессуальная самостоятельность следователей закономерно сочетается, во-первых, с детальной регламентацией оснований, условий, порядка принятия процессуальных решений и производства процессуальных действий, ограничивающих права и свободы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, во-вторых, с закреплением на законодательном уровне прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, а также порядка их осуществления, включая обязанность органов предварительного расследования, прокурора и суда не только разъяснять остальным участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, но также обеспечивать возможность осуществления последними этих прав, в-третьих, с законодательно установленной процедурой обжалования и проверки правомерности процессуальных действий и решений следователей.

Таким образом, налицо явное стремление законодателя посредством судебного контроля за процессуальной деятельностью следователей повысить уровень защищенности прав не только участников уголовного процесса, но и иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В этой связи полагаем целесообразным согласиться с мнением ряда ученых о том, что для уголовного процесса принципиальное значение имеет не только совокупность таких структурных элементов правового статуса личности, как свобода и личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища, тайна личной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, но и каждый из этих элементов в отдельности [40, с. 64].

По этой причине, как указывает К.А. Наумов, соблюдение гарантируемых на конституционно-правовом уровне «прав каждого гражданина на личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, охрану собственности, подвергаемых обоснованному ограничению в рамках досудебного производства, должно подвергаться пристальному и оперативному судебному контролю» [34, с. 41].

Изложенное позволяет прийти к следующему выводу: при принятии решения в рамках полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, суд исследует некоторые промежуточные результаты следственной деятельности (окончательные результаты следственной деятельности суд исследует, например, при поступлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением) и оценивает их в зависимости от необходимости дачи предварительного согласия на производство того или иного процессуального действия, принятия процессуального решения либо производит согласование уже реализованного в условиях необходимости процессуального действия.

Из этого следует, что если в первом случае суд оценивает законность и обоснованность заявленного ходатайства, то во втором – как законность и обоснованность принятого решения о производстве процессуального действия, так и законность самого его производства.

Анализ правоприменительной практики и юридической литературы позволяет прийти к выводу о наличии ряда проблем, которые возникают в досудебном производстве при реализации судом полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

В подавляющем большинстве случаев существование этих проблем связано с пробелами в праве, которые, характеризуются неполнотой закона либо его недостатком и могут произойти в силу простой оплошности, просмотра законодателя или в силу каких-либо соображений политики.

Однако, вне зависимости от причины возникновения, пробелы в праве в конечном итоге приводят к отсутствию единообразного подхода к толкованию норм уголовно-процессуального закона.

Особенностям реализации судебного контроля, связанного с инициацией следователями производства следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, уделяется повышенное внимание, что подтверждается тем, что обозначенный спектр проблем получил свой комментарий от высшей судебной инстанции в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [43]: Судебно-контрольная деятельность по санкционированию затрагивающих конституционные права граждан следственных действий, иных процессуальных действий и решений заключается в познании судом обстоятельств, касающихся не только соблюдения требований уголовно-процессуального закона, связанных с направлением соответствующего ходатайства, но и «фактических обстоятельств служащих основанием для производства указанного в ходатайстве следственного действия (например, при рассмотрении ходатайства о производстве обыска в жилище убедиться в том, что в материалах уголовного дела имеются достаточные данные полагать, что в указанном жилище могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела)» (п. 12 Постановления).

Если следственное действие уже произведено следователем в условиях безотлагательности, при последующем санкционировании, суду необходимо удостовериться «что произведенное следственное действие относится к перечисленным в части 5 статьи 165 УПК РФ, имелись обстоятельства, свидетельствующие о необходимости безотлагательного его производства, следователем, дознавателем соблюден порядок принятия такого решения, а

также что в ходе следственного действия не нарушены требования уголовно-процессуального закона» (п. 16 Постановления).

Анализ текста указанного постановления приводит к выводу о верном подходе Верховного Суда РФ к вопросу судебного контроля, связанного с санкционированием следователем тех следственных действий, которые затрагивают конституционные права граждан, основанном на комплексном анализе как формальной стороны инициативы следователя, основанной на УПК РФ, так и фактической – касающейся обоснованности иницилируемого следователем (с согласия руководителя следственного органа) следственного мероприятия.

Как верно указывается в литературе, «судебный контроль за законностью деятельности следователя, иницилируемый жалобами участников процесса, чьи конституционные права и свободы ущемлены обжалуемым действием или решением, заключается в проверке на соответствие закону решений и действий (бездействия) следователя на основе имеющихся и дополнительно представленных данных. Суд проверяет и оценивает только те материалы, которыми обосновано обжалуемое решение или действие следователя, а также иные необходимые для проверки доводов жалобы данные. В предмет судебного контроля входит проверка полномочий лица, чьи действия или решения обжалуются, соблюдение этим лицом норм, регулирующих порядок принятия обжалуемого решения, оценка действий лица, на которое подана жалоба, по проверке и учету всех обстоятельств, указанных в жалобе заявителя, в целях определения возможности влияния таких обстоятельств на обоснованность обжалуемого решения» [30, с. 52].

Таким образом, судебный контроль, применительно к следователю – это урегулированная нормами уголовно-процессуального права деятельность суда по проверке и оценке действий (бездействия) и решений следователя в целях установления соответствия проверяемых действий и решений требованиям уголовно-процессуального закона и достаточности для их производства и

принятия фактических данных, позволяющих считать проверяемые действия и решения необходимыми и возможными.

Необходимо также подчеркнуть необходимость обеспечения баланса в процессуальной самостоятельности следователя и обеспечении надлежащего контроля за законностью его действий и решений, в связи с реализацией контрольно-надзорных полномочий различных субъектов.

В заключении третьей главы исследования, сформулируем следующие выводы.

В вопросе взаимодействия следователя с органами дознания можно констатировать, что органы дознания и предварительного следствия функционируют не изолированно. Наоборот, практика повышения эффективности предварительного расследования диктует необходимость налаживания эффективного взаимодействия между следователями и органами дознания, позволяющего объединить процессуальные и непроцессуальные средства получения сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Процессуальная основа такого взаимодействия находит своё отражение в ряде норм УПК РФ: согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий. Исходя из содержания ч. 1 ст. 152 УПК РФ, следователь вправе поручить органу дознания производство следственных или розыскных действий. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Надлежащий контроль за процессуальной деятельностью субъекта уголовного процесса, обладающего властными полномочиями, является необходимым гарантом законности и обоснованности принимаемых им решений. Это особенно важно, учитывая предусмотренную уголовно-процессуальным законом возможность следователя активно применять к

участникам процессуальных отношений меры принуждения, включая наиболее строгие – ограничивающие конституционные права и свободы личности.

В аспекте обеспечения баланса самостоятельности и подконтрольности, как отмечается исследователями, имеется ряд проблем, требующих внимания.

Рамки процессуальной самостоятельности следователя на практике оказываются довольно узкими, учитывая указанные полномочия руководителя следственного органа, который стал ключевой фигурой ведомственного контроля, обладающего в уголовном процессе не только непосредственно полномочиями, направленными на осуществление уголовного преследования, но и многочисленными организационными, которые связывают следователя подотчётностью перед ним.

В отношении следователя, помимо вышеназванного участника уголовного судопроизводства, комплекс контрольно-надзорных полномочий сохранился за таким значимым участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, как прокурор, который управомочен законодателем осуществлять в процессе досудебного производства по уголовным делам надзорные полномочия.

Существующие процессуальные ограничения, распространяемые на следователя, как видно, продиктованы благими намерениями законодателя, который желал бы в максимальном объёме и на должном качественном уровне обеспечить реализацию принципа законности при производстве предварительного расследования.

То есть посредством усиления ведомственного контроля осуществляется попытка создать комплексные процессуальные гарантии законности действий следователя.

Можно сделать вывод о том, что в современном процессуальном регулировании, самостоятельность следователя, которой его номинально снабдил законодатель, ограничена ведомственными контрольными

полномочиями, а также полномочиями, реализуемыми в рамках прокурорского надзора.

Таким образом, создание баланса в обеспечении необходимого и эффективного контроля за процессуальной деятельностью следователя, и его самостоятельностью, выступающей в качестве инструмента, предназначенного для полноценного обеспечения эффективной процессуальной деятельности, позволяющего создать необходимые гарантии свободной реализации полномочий, учитывая, с одной стороны, императивное регулирование, содержащееся в нормах УПК РФ, а с другой стороны – всё многообразие следственных ситуаций, требующих от следователя динамичного реагирования, проявления гибкости мышления, продолжает являться насущной задачей для законодателя.

При проведении законодательных корректировок в анализируемой сфере также весьма желательно обеспечить необходимую внутреннюю независимость следователя, оградить его от возможного ведомственного давления, при этом, создав механизмы контроля за отсутствием в деятельности следователя произвола.

Что же касается судебного контроля, появляющегося применительно к деятельности следователя там, где ведётся речь об ограничении конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве по делу, то данный контроль состоит в судебном санкционировании процессуальных действий следователя в досудебном производстве, затрагивающих комплекс конституционных прав и свобод личности в уголовном процессе, а с другой – в возможности судебного обжалования заинтересованным лицом решений и действий (бездействия) следователя, равно как и иного участника уголовного судопроизводства, обладающего властными полномочиями.

Заключение

Проведённая работа позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование существующего нормативного регулирования по теме исследования.

Возникновение следователя, как субъекта производства по уголовным делам в отечественном правовом регулировании, а также формирование специфики его процессуального статуса – явление не единомоментное. Возникновения института следователя неразрывно связано с историей становления предварительного расследования в целом.

Прообраз современного института следователя возник в отечественном регулировании в первой половине XVIII века. Уже в XIX столетии продолжилось поступательное развитие законодательных новаций, связанных с осуществлением расследования преступлений и формированием внятного регулирования правового положения специальных субъектов, осуществляющих расследование преступлений.

С переходом к советскому периоду, статус следователя значительно изменился, в связи с формированием советского уголовно-процессуального законодательства. Наиболее значимым документом данного периода следует считать УПК РСФСР 1960 г. Данный нормативный акт регулировал осуществление производства по уголовным делам продолжительное время – около сорока лет, и утратил силу уже в условиях новой российской действительности, с принятием нового УПК РФ, которым был ознаменован современный этап регулирования российского досудебного и судебного производства, а также регулирования процессуального статуса его участников, включая следователя

Что касается регулирования института следователя в зарубежных правовых системах, то такое регулирование находится в прямой зависимости от правовой системы.

Несмотря на различия в правовых системах, наблюдается тенденция к их сближению. В романо-германской системе наблюдается увеличение роли судебной практики в создании норм, тогда как в англосаксонских странах развивается законодательство. В обоих случаях основой являются доказательства и демократический состязательный процесс, в котором ключевую роль в составлении юридических документов исследования уголовного дела играет следователь, представляющий в уголовно-процессуальных отношениях государство, будучи наделенным властными полномочиями.

Законодатель раскрывает содержание нормативного понятия «следователь» в ст. 38 УПК РФ через функциональное предназначение такового, в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

При этом, законодатель производит регламентацию общей процессуальной роли данного участника, оставляя за рамками таковой непосредственную ведомственную принадлежность такового.

То есть, уголовно-процессуальный статус следователя – это общая категория, предопределяемая ролью такого участника в уголовном судопроизводстве. Из какой бы правоохранительной структуры не был конкретный следователь, расследующий уголовное дело, ему будет соответствовать тот общий объём процессуальных полномочий, которые законодатель предусматривает для указанной процессуальной роли.

Нельзя также не обратить внимание на ещё одно нововведение, связанное с понятийным определением, имеющим отношение к анализируемому участнику уголовного судопроизводства. Речь идёт о введении в п. 40 ст. 5 УПК РФ понятия «следователь-криминалист».

Выделив такого квази-участника уголовного судопроизводства, законодатель не счёл необходимым последовательно отразить его в каких-либо иных нормах, неразрывно связанных с реализацией процессуальных полномочий следователя. Но такой подход в формулировании уголовно-

процессуальных норм вряд ли можно поддержать, ввиду того, что он не способствует конкретизации.

Формально, следователь-криминалист не является участником тех следственных действий, в нормах, регламентирующих производство которых, указание на него отсутствует.

В связи со сказанным, следует внести изменения в нормы действующего УПК РФ, направленные на уточнение статуса следователя-криминалиста. Это можно реализовать путём переформулировки п. 41.1 ст. 5 УПК РФ.

В такого рода общем определении может заключаться тот минимум, который законодателю следует реализовать. Однако, представляется целесообразным произвести дополнительное уточнение процессуального статуса следователя-криминалиста, следуя общей логике построения главы 6 УПК РФ – то есть, выделив отдельную уголовно-процессуальную норму, в которой были бы сконцентрированы положения, характеризующие основные процессуальные полномочия и особенности статуса данного субъекта.

Однако, ключевой фигурой обвинения на этапе досудебного производства продолжает оставаться «следователь» в качестве общего базового участника, в то время, как «следователь-криминалист» является, скорее, участником ситуативным.

Что касается процессуальной функции следователя, то, исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что функции следователя можно рассматривать, как минимум, в двух плоскостях. С позиции, обуславливаемой наличием в регулировании принципа состязательности, функцией анализируемого участника досудебного производства выступает уголовное преследование (обвинение), но в плоскости сущности реализуемой следователем деятельности в досудебном производстве, продиктованной назначением уголовного судопроизводства, сформулированным в ст. 6 УПК РФ, его процессуальной функцией будет выступать познавательно-исследовательская функция.

Основной обязанностью следователя в уголовном процессе является осуществление уголовного преследования до момента передачи дела на судебное рассмотрение, сбор доказательств, устанавливающих виновность лица, в том числе, путём производства следственных и иных процессуальных действий для обеспечения всестороннего расследования преступлений.

Можно сделать вывод о том, что данная категория является весьма обширной. Тот общий перечень процессуальных правомочий, который находит своё отражение в ч. 2 ст. 38 УПК РФ не подлежит ограниченному толкованию, являясь открытым.

В этой связи очевидно, что иные полномочия следователя органично вплетены законодателем в нормативную регламентацию отдельных уголовно-процессуальных институтов.

Так, отдельные полномочия следователя, связанные с производством следственных действий, раскрываются и детализируются применительно к каждому следственному действию, а также в рамках общих правил производства следственных действий.

Важным является вопрос, связанный с определением содержания процессуальной самостоятельности следователя. Анализируемый участник уголовно-процессуальной деятельности обладает установленной свободой в принятии процессуальных решений во всех случаях, за исключением ситуаций, сопряжённых с необходимостью согласования действия или решения с иным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

Процессуальная регламентация указывает на то, что независимость следователей – это обязательный элемент их профессионально-процессуальной деятельности. Наличие самостоятельности проявляется в сформулированных полномочиях.

Процессуальную самостоятельность следователя можно рассматривать в качестве инструмента, предназначенного для полноценного обеспечения эффективной процессуальной деятельности, позволяющего создать необходимые гарантии свободной реализации полномочий, учитывая, с одной

стороны, императивное регулирование, содержащееся в нормах УПК РФ, а с другой стороны – всё многообразие следственных ситуаций, требующих от следователя динамичного реагирования, проявления гибкости мышления и т.д.

В вопросе взаимодействия следователя с органами дознания можно констатировать, что органы дознания и предварительного следствия функционируют не изолированно. Наоборот, практика повышения эффективности предварительного расследования диктует необходимость налаживания эффективного взаимодействия между следователями и органами дознания, позволяющего объединить процессуальные и непроцессуальные средства получения сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Процессуальная основа такого взаимодействия находит своё отражение в ряде норм УПК РФ: согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий. Исходя из содержания ч. 1 ст. 152 УПК РФ, следователь вправе поручить органу дознания производство следственных или розыскных действий. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Надлежащий контроль за процессуальной деятельностью субъекта уголовного процесса, обладающего властными полномочиями, является необходимым гарантом законности и обоснованности принимаемых им решений. Это особенно важно, учитывая предусмотренную уголовно-процессуальным законом возможность следователя активно применять к участникам процессуальных отношений меры принуждения, включая наиболее строгие – ограничивающие конституционные права и свободы личности.

В аспекте обеспечения баланса самостоятельности и подконтрольности, как отмечается исследователями, имеется ряд проблем, требующих внимания.

Рамки процессуальной самостоятельности следователя на практике оказываются довольно узкими, учитывая указанные полномочия руководителя следственного органа, который стал ключевой фигурой ведомственного контроля, обладающего в уголовном процессе не только непосредственно полномочиями, направленными на осуществление уголовного преследования, но и многочисленными организационными, которые связывают следователя подотчётностью перед ним.

В отношении следователя, помимо вышеназванного участника уголовного судопроизводства, комплекс контрольно-надзорных полномочий сохранился за таким значимым участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, как прокурор, который управомочен законодателем осуществлять в процессе досудебного производства по уголовным делам надзорные полномочия.

Существующие процессуальные ограничения, распространяемые на следователя, как видно, продиктованы благими намерениями законодателя, который желал бы в максимальном объёме и на должном качественном уровне обеспечить реализацию принципа законности при производстве предварительного расследования.

То есть, посредством усиления ведомственного контроля осуществляется попытка создать комплексные процессуальные гарантии законности действий следователя.

Можно сделать вывод о том, что в современном процессуальном регулировании, самостоятельность следователя, которой его номинально снабдил законодатель, ограничена ведомственными контрольными полномочиями, а также полномочиями, реализуемыми в рамках прокурорского надзора.

Таким образом, создание баланса в обеспечении необходимого и эффективного контроля за процессуальной деятельностью следователя, и его

самостоятельностью, выступающей в качестве инструмента, предназначенного для полноценного обеспечения эффективной процессуальной деятельности, позволяющего создать необходимые гарантии свободной реализации полномочий, учитывая, с одной стороны, императивное регулирование, содержащееся в нормах УПК РФ, а с другой стороны – всё многообразие следственных ситуаций, требующих от следователя динамичного реагирования, проявления гибкости мышления, продолжает являться насущной задачей для законодателя.

При проведении законодательных корректировок в анализируемой сфере также весьма желательно обеспечить необходимую внутреннюю независимость следователя, оградить его от возможного ведомственного давления, при этом, создав механизмы контроля за отсутствием в деятельности следователя произвола.

Что же касается судебного контроля, появляющегося применительно к деятельности следователя там, где ведётся речь об ограничении конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве по делу, то данный контроль состоит в судебном санкционировании процессуальных действий следователя в досудебном производстве, затрагивающих комплекс конституционных прав и свобод личности в уголовном процессе, а с другой – в возможности судебного обжалования заинтересованным лицом решений и действий (бездействия) следователя, равно, как и иного участника уголовного судопроизводства, обладающего властными полномочиями.

Судебный контроль, применительно к следователю – это урегулированная нормами уголовно-процессуального права деятельность суда по проверке и оценке действий (бездействия) и решений следователя в целях установления соответствия проверяемых действий и решений требованиям уголовно-процессуального закона и достаточности для их производства и принятия фактических данных, позволяющих считать проверяемые действия и решения необходимыми и возможными.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Азаров В.А. Следователь как участник современного уголовного процесса России // Вестник ОГУ. 2008. № 3 (83). С. 7-10.
2. Аристархов А.Л. Объединение усилий следователя с органами, осуществляющими ОРД, на этапе рассмотрения сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 1. С. 65-70.
3. Аширбекова М.Т. Об уголовно-процессуальных функциях следователя // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 81-85.
4. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 28 с.
5. Бегиев Х.Б. Проблемы соотношения процессуальной самостоятельности следователя с процессуальным контролем руководителя следственного органа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 1. С. 50-55.
6. Вартанов А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с.
7. Власов Л.А. Полномочия следователя в советском уголовном процессе: Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 1979. 23 с.
8. Волчкова А.А. Институт судебных следователей в дореволюционной России (историко-правовой анализ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 29 с.
9. Воробьёв П.С. Деятельность следователя в предварительном расследовании // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С. 29-30.
10. Глушков М.Р. К вопросу о процессуальном статусе следователя-криминалиста // Российский следователь. 2015. № 20. С. 38-42.

11. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 64-73.
12. Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 218 с.
13. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
14. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
15. Ежеченко Д.Б. Процессуальное положение следователя в российской федерации и альтернативных ему должностных лиц в зарубежных странах // Уголовно-процессуальный кодекс российской федерации: достижения и проблемы применения. Сб. статей VI Междунар. студ. науч.-практич. конф. / Отв. ред. Т.К. Рябинина. М.: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 52-57.
16. Игнатов С.Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 101-106.
17. Кметь И.А. Процессуальный статус следователя как участника уголовно-процессуальных правоотношений // Академия педагогических идей Новация. 2021. № 5. С. 60-65.
18. Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 21 с.
19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.
20. Корнакова С.В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 113-121.

21. Корнакова С.В., Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015. 199 с.

22. Корнуков В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. 11-12 октября 2007 г. СПб., 2007. С. 102-104.

23. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984. 216 с.

24. Кузнеченко С.Ю. Следователь как процессуально самостоятельный участник уголовного судопроизводства // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: мат. II Всеросс. молодеж. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 153-155.

25. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. 2. М., 2003. 848 с.

26. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 76-84.

27. Мамонтов А.Г. Судебный следователь в истории российского судопроизводства. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2003. 102 с.

28. Марфицин П.Г., Пронин А.А. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 242-245.

29. Мешков М.В., Гончар В.В. Следователь в уголовном процессе России: понятийно-правовые проблемы // Российский следователь. 2011. № 23. С. 18-20.

30. Миргородская Э.Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский судья. 2021. № 3. С. 50-53.

31. Мухаметшин Ф.Б., Гумерова Р.Р. Уголовно-процессуальный статус следователя в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 102-105.

32. Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе на материалах Республики Таджикистан) / Под. общ. ред. Б.Я. Гаврилова. Монография. Душанбе: Таджикский государственный университет, 2015. 335 с.

33. Наранбаатар С. Правовой статус следователя как важный инструмент обеспечения прав и свобод человека // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сб. статей V Междунар. науч.-практич. конф. Пенза, 2022. С. 31-34.

34. Наумов К.А. Новый шаг законодателя: повысится ли эффективность судебного контроля и прокурорского надзора? // Законность. 2017. № 4. С. 41-44.

35. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 27 с.

36. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 г. № 4-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

37. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 г. № 1616-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коровина Вадима Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38, статьей 86, частью второй статьи 159, частями седьмой и восьмой статьи 234, частями первой и второй статьи 271, статьей 286 и частью

шестой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

38. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 г. № 63-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Петрушина Егора Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

39. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 г. № 4-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазукова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом 3 части второй статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

40. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юрист, 1999. 392 с.

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7528.

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7, июль, 2017.

44. Россинский С.Б. Процессуальная самостоятельность следователя: миф, или реальность? // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 113-122.

45. Россинский С.Б. Реквием по процессуальной самостоятельности следователя // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 70-76.

46. Рыбак С.В. Направления нормативного совершенствования процессуального статуса следователя и лица, производящего дознание, на стадии возбуждения уголовного дела // Предварительное расследование. 2020. № 1 (7). С. 40-46.

47. Рытькова В.Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России: дисс... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 197 с.

48. Сазин С.Т. Следственные органы США, Германии и Российской Федерации как основной инструмент защиты прав и свобод человека и гражданина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6 (44). С. 340-344.

49. Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальное руководство // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Института повышения квалификации Следственного комитета России. М.: Буки-Веди, 2012. С. 360-364.

50. Середнев В.А. К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 1. С. 7-10.

51. Серов Д.О. Зарождение и начальный этап развития органов следствия (1713 - 1726 гг.) // 300 лет следственному аппарату России (1713-2013 гг.): Сборник статей об истории следственных органов / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2014. С. 18-23.

52. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие в Древнерусском государстве X-XIV вв. // Российский следователь. 2015. № 1. С. 53-56.

53. Сильванович Ю.Н. Процессуальные функции следователя в российской федерации и некоторых зарубежных странах // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты. / Отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. - 2018. С. 91-93.

54. Смахтин Е.В. Следователь: соотношение процессуального статуса и ведомственного контроля // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи. Мат. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2019. С. 87-91.

55. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. - М., 2017. 979 с.

56. Спешилова Т.С. Процессуальная самостоятельность следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 5. С. 173-176.

57. Ткачев И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.

58. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

59. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

60. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

61. Указ Президента РФ от 05.04.2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.

62. Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

63. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4262.

64. Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

65. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

66. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

67. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

68. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

69. Федеральный закон от 30.06.2003 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации, предоставлении отдельных гарантий сотрудникам органов внутренних дел, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и упраздняемых федеральных органов налоговой полиции в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700.

70. Чаплыгина В.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: еще раз о наболевшем // Наука и практика. 2016. № 3. С. 122-125.

71. Шейфер С.А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 8-15.

72. Шейфер С.А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44-51.

73. Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь, или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34-36.

74. Шишпанов К.А. Инквизиционная функция следователя // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 4 (44). С. 423-427.

75. Якубович Н.А. Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы: дисс... докт. юрид. наук. М., 1977. 345 с.